

И Э. СЕРМАН

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ 60-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

(Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка»)

Литературные позиции Федора Эмина и его место в идейной борьбе 1760-х годов неоднократно привлекали внимание исследователей. В работах П. Н. Беркова, Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского освещены некоторые стороны мировоззрения и творчества Эмина. Однако Ф. Эмин, как и другие писатели-разночинцы 1760-х годов, Михаил Чулков, Попов, Курганов, ждут еще тщательного и серьезного изучения.

Их роль в развитии русского реализма, в развитии критического направления в литературе середины XVIII столетия еще недостаточно исследована.

Неизданная до сих пор комедия Эмина «Ученая шайка» дает интересный материал для характеристики общественно-литературных позиций этого малоизученного писателя, его взаимоотношений с литературными противниками и для установления хода его идейно-творческого развития.

Федор Эмин появился в Петербурге в мае месяце 1761 года и подал на имя императрицы Елизаветы прошение, написанное по-итальянски и подписанное Theodoro Eminencescu. Очевидно, тогда же Эмин был зачислен в Сухопутный шляхетный кадетский корпус преподавателем итальянского языка. По делам Архива Академии наук (1763 и 1764 гг.) видно, что: «Федор Еммин обучает итальянскому языку в Шляхетном сухопутном кадетском корпусе по 8 часов в неделю, жалованья 150 р. в год».¹

В это же время Эмин преподавал итальянский язык в Академии художеств, как об этом сообщает «Ведомость нынешнего

¹ Картотека Б. Л. Модзалевского (ИРЛИ)

состояния Академии художеств» от 28 января 1763 года. В ней указан в графе «Учителя» — «итальянского языка Петр Эмин 150 рублей»² (жалованья в год).

В том же 1763 году Эмин благодаря покровительству гр. Г. Орлова был зачислен переводчиком Коллегии иностранных дел. Об этом свидетельствует титульный лист первого издания (СПб., 1768) «Мирамонда»: «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда, — сочинения Государственной коллегии иностранных дел переводчика Федора Эмина».

По приезде в Россию Эмин очень скоро становится деятельным участником нового направления в русской литературной жизни как переводчик и как автор оригинальных русских романов. Начало 1760-х годов характерно появлением нового для русской литературы жанра. Роман, правда на первых порах переводный, становится заметным явлением литературной жизни. Сумароков, всегда очень живо отзывавшийся на все неприемлемое для него в общественной жизни и в литературе, в 1759 году помещает в «Трудолюбивой пчеле» (стр. 374) статью «О чтении романов», в которой с раздражением пишет: «Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого света. Пользы от них мало, а вреда много. Говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время, т. е. век наш, который и без того краток. Чтение романов не может называться препровождением времени; оно погубление времени».

Ему отвечает Семен Порошин в предисловии к своему переводу одного из популярнейших романов аббата Прево: «Сии сочинения (романы, — И. С.) такое несчастье по дни наши постигло, что многие не токмо никакой пользе от оных быть не надеются, но еще к повреждению нравов служащими их почитают»³.

В Петербурге с 1759 года действует группа литераторов-переводчиков, большей частью преподавателей Сухопутного шляхетного корпуса (Семен Порошин, Петр Свистунов, Евгений Харламов, Степан Перфильев и другие). Эта группа предприняла в 1759 году издание журнала «Праздное время, в пользу употребленное». Издатели-сотрудники этого журнала не разделяли общественно-литературных позиций Сумарокова, проявившихся со всей свойственной его натуре энергией и страстностью в его журнале 1759 года «Трудолюбивая пчела».

² Сборник материалов для истории Академии художеств за сто лет, под ред. П. Петрова, ч. 1, СПб., 1864, стр. 71.

³ «Аббат Прево». Философ аглинской, или житие Клевленда, побочного сына Кромвеллева, т. I, СПб., 1760, предисловие.

Д. Д. Шамрай с несомненностью доказала,⁴ что кружок корпусных литераторов (Семен Порошин, Петр Свистунов, Евгений Харламов, Степан Перфильев и другие) стал значительно менее активно сотрудничать в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» в 1760 году, когда в журнале усилилось участие Сумарокова. Литературный кружок «Праздного времени» не только практически, но и теоретически обосновывает необходимость романически-повествовательных жанров. В этом смысле программой было уже цитировавшееся предисловие Семена Порошина к его переводу романа Прево «Английский философ, или житие Клевленда, побочного сына Кромвелева, писанное им самим» (конец 1760 года). Порошин писал: «Чтения разумно писанных романов отвергать и опораживать ни малой нет причины: изображаются в них нравы человеческие, добродетели их и немощи; показываются от разных пороков разные бедствия в примерах, то причиняющих ужас, то соболезнование и слезы извлекающих, и между цепью наистройнейшим порядком совокупленных приключений наставления к добродетели полагаются. На толь препохвальном основании и с толь добрым намерением расположенное сочинение хулы ль нашей достойно?»

В одном из номеров «Праздного времени» доброжелательно упоминается «полезная история» о Памеле, т. е. называется знаменитый роман Ричардсона.

Типография Сухопутного шляхетного корпуса в 1760—1764 годах в невиданном дотоле в России количестве печатает романы в переводе корпусных литераторов. В этом потоке романической литературы, насыщенной умеренно-просветительскими и сентименталистскими идеями, обращенной к частной жизни, к эмпирическому бытоизображению, к конкретной и противоречивой психологии личности, литературы в конечном счете антиклассицистической, видное место занимают переводы и романы Эмина Федора.

Из одиннадцати романов, изданных в 1763 году типографией Сухопутного корпуса, Эмину принадлежат два переводных⁵ и два оригинальных романа.⁶

⁴ Д. Д. Шамрай. Об издателях первого частного русского журнала. Сб. «XVIII век», вып. I, Л., 1935.

⁵ Любовный вертоград, или непреоборимое постоянство Камбера и Ариены. Перевел с португальского... Федор Эмин, СПб., 1763; Бесщастный Флоридор. История о принце Ракалмуцком. Перевел с итальянского Ф. Эмин, СПб., 1763.

⁶ Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда. Соч. Ф. Эмина. СПб., 1763; Приключения Фемистокла... Соч. Ф. Эмина. СПб., 1763.

В 1764 году среди шести романов, изданных типографией Сухопутного шляхетного корпуса, один принадлежит Эмину.⁷

Таким образом, за два года Эмин напечатал пять романов. Но не только количество должно было привлечь к себе внимание современников. Непереводные романы Эмина были исполнены публицистического пафоса и духа гражданственности. Сатирические эпизоды и новеллы в «Мирамонде» и «Приключениях Фемистокла»⁸ во многом предваряют сатирические выступления «Адской почты».

Комплименты по адресу верховной власти, которых немало в романах Эмина, не ослабляют их общей антидворянской направленности, их глубокого сочувствия к «тщательному земледельцу», который «кровавым своим потом чело свое орошает, чтобы со временем куском хлеба насладиться».⁹ Явное отрицание духа сословности, предпочтение «благородного» земледельца и честного купца бездельнику дворянину — всё это делало романы Эмина неприемлемыми для таких идеологов сословной исключительности и сословных привилегий, каким был Сумароков. Неприемлема для них была и форма романов Эмина — свободное переплетение вымысла и фактов, смелость, с которой Эмин вводит в свои романы куски собственной биографии, пускай и литературно-стилизованной.¹⁰

Наконец нужно указать, что Эмин, по-видимому, был зачинщиком полемики с Сумароковым, против которого им был сделан очень резкий выпад в «Приключениях Фемистокла».¹¹ Отголоском конфликта, вызванного этим выступлением Эмина, является, очевидно, запись в дневнике Порошина: «Обедал у нас Александр Петрович Сумароков, его высочество весьма забавлялся, как он описание делал о г. Емине и о его с ним ссоре, также и о бывших его побранках с маршалом Сиверсом».¹² «Побранки» Сумарокова с Сиверсом из-за руководства

⁷ Горестная любовь маркиза де Толедо. Перевел с гишпанского Ф. Эмин, СПб., 1764.

⁸ Особенно замечательны в этом смысле картины неправосудия и мздоимства в Сенате государства Кария, которое посещает Фемистокла и в котором легко узнать екатерининскую Россию.

⁹ Ф. Эмин. Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда, ч. 1. Изд. 2-е, М., 1781, стр. 31.

¹⁰ «И хотя сия книжица истинные Мирамондовы приключения и мое несчастное похождение в себе заключает...» (там же, Предисловие).

¹¹ Ф. Эмин. Приключения Фемистокла. СПб., 1769, стр. 169—172. Poleмический смысл этого эпизода вскрыт в статье Г. А. Гуковского «Эмин и Сумароков» (Сб. «XVIII век», вып. II, М.—Л., 1940, стр. 77—82).

¹² Семен Порошин. Записки. СПб., 1881, стр. 4, запись 20 сентября 1764 года.

театром происходили в 1759—1760 годах и названы здесь «бывшими», т. е. прежними, минувшими. Очевидно, по смыслу записи, что ссора с Эминым относится к более близкому времени и говорится о ней по свежим следам. Характерно и то, что рассказывает Сумароков о ссоре в тонах юмористических, никакого озлобления у рассказчика (в передаче Порошина) не чувствуется.

Однако в комедии Сумарокова «Ядовитый» (напечатанной в октябре 1768 года) Эмин, выведенный под именем Герострата, представлен уже вместилищем всех пороков и злодейств, клеветником, безбожником и мошенником, готовым на любую подлость ради денег. По-видимому, именно на протяжении 1764—1768 годов борьба между Эминым и Сумароковым дошла до такой степени ожесточения, что заставила последнего написать пасквиль-комедию, целиком посвященную обличению Эмина.

«Ученая шайка», как мы это попытаемся показать, может разъяснить многое в литературных взаимоотношениях Сумарокова и Эмина. Кроме того, в ней, в памфлетной форме, Эмин высказывает свое отношение к ряду видных деятелей русской культуры и просвещения середины 1760-х годов. Эта комедия в известной мере предвосхищает тематику и направленность «Адской почты» и помогает проследить, как складывалась сатирическая направленность в русской литературе 1760-х годов с ее стремлением бичевать «лица», а не «пороки».

Самый факт существования комедии Ф. А. Эмина давно известен историкам литературы.

В 1886 году в «Отчете Московского румянцовского музея» в числе других документов из собрания А. В. Федорова, указан под № 2968 «Сборник» списков с оригинальных и переводных драматических произведений. Скоропись конца XVIII века. Среди этих списков под № 6 значится: «Ученая шайка, комедия в 3-х действиях. Соч. Ф. Эмина. Напечатана не была».¹³

Упоминалась также «Ученая шайка» в работе А. Лященко «Из истории русского романа. Публицистический элемент в романах Ф. Эмина» (СПб., 1892, стр. 7), а также в статье А. Космана «Комедии Сумарокова».¹⁴

Ставилась она на сцене или нет — не известно. Ни одна из биографий Эмина не упоминает о том, что он пробовал свои силы в драматических жанрах.

¹³ Отчет Московского Румянцовского музея за 1883—1885 гг. М., 1886, стр. 33.

¹⁴ «Ученые записки ЛГУ», № 33, вып. 2, Л., 1939, стр. 175.

Поскольку «Ученая шайка» до сих пор не опубликована,¹⁵ необходимо кратко изложить ее сюжет и содержание.

Действие комедии Эмина происходит в Афинах, «в Петроксовом доме». Кроме самого философа Петрокса, его жены Ернесты и дочери Белизы, актрисы, в комедии действуют еще Аперонт-комедиант, муж Белизы, три учителя: юриспруденции — Февеус, мореплавания — Назон, грамматики — Аннон.

Кроме учителей и философа Петрокса, которые вместе составляют какое-то «ученое собрание» под председательством стихотворца Ергаста, в сценах, изображающих семейную жизнь Петрокса, действуют поклонники Белизы — петиметр Негрин и «старый богач» Юлиан. Имеется в комедии и фарсовый слуга Фарнасп, который сначала служит стихотворцу Ергасту, а потом переходит к философу Петроксу.

Первое действие «Ученой шайки» открывается продолжительным спором между философом Петроксом и стихотворцем Ергастом о целях и направленности поэтического творчества, о принципах нравственности и т. д.

По уходе Петрокса Фарнасп сообщает своему господину, что «песенка, которую сочинил некоторый офицер», всеми хвалится и признается «замысловатее» песен Ергаста. Взбешенный Ергаст посылает Фарнаспа к этому офицеру с требованием признать, что эта песня сочинена Ергастом или «по крайней мере им правлена». Фарнасп вскоре возвращается с сообщением, что офицер с радостью отрекся от «такой негодной песни».

Вновь пришедший в бешенство Ергаст хочет избить Фарнаспа, но снова посылает его к офицеру на этот раз уже с требованием признать «песню» своей.

Ергаст уходит. На сцене появляются Петрокс и Аперонт, между ними идет спор о значении и важности актерского ремесла. Петрокс называет его «безделицей».

Возвращающегося Ергаста Аперонт называет своим «истинным другом» и хочет обнять. Тот противится, между ними возникает ссора, обмен пощечинами. Оба просят Петрокса быть судьей их спора. Философ высмеивает мнимое величие и тщеславную похвальбу обоих.

Фарнасп, восхищенный речами философа, берет у Ергаста расчет и переходит на службу к Петроксу.

Во втором действии показана семейная жизнь философа Петрокса. Его жена Ернеста учит дочь «жить роскошно и иметь

¹⁵ Текст этой комедии, в свое время подготовленный к печати Г. А. Гуковским, предполагается опубликовать в следующем выпуске «XVIII века». — *Прим. Ред.*

много друзей». Вслед за этими «философскими», как называет их слуга Фарнасп, разговорами в доме появляется петиметр Негрин, ухаживающий за Белизой. Свидание Белизы с Негрином прерывает внезапный приход ее отца. Вслед за тем появляется «грамматики учитель» Аннон — «пьяный, шатаюсь на все стороны». Аннон грубо ухаживает за Белизой и бьет Петрокса, пытающегося его выгнать; затем Аннон уходит.

Третье действие, подобно первому, открывается спором «юриспруденции учителя» Февнуса и «мореплавания учителя» Назона о познаниях Назона в «науке мореплавания».

С приходом Аннона, Петрокса и Ергаста начинается заседание «ученого собрания», на котором председательствует Ергаст-стихотворец. Он жалуется на появление в «нашей земле» «бездельников», сочиняющих негодные книги, которые «в оных нам досаду делают, а когда мы их за то ругаем, то и они нам таким же образом отвечают».

Каждый из членов ученого собрания прославляет свою науку. Их спор прерывает Эрнеста сообщением: «некоторый» вельможа требует к себе «разумнейшего изъ всего собрания».

Решают ехать всем собранием. Как выясняется из следующего за их отъездом разговора Эрнесты с Фарнаспом, мнимое приглашение имело целью удалить все ученое собрание из дома Петрокса, чтобы сделать возможным приход к Эрнесте старого вельможи Юлиана.

Неожиданно возвращается Петрокс; по совету Фарнаспа Юлиан притворяется мертвым. Петрокс хочет анатомировать мнимого мертвеца, но Юлиан, испугавшись, убегает.

Постепенно возвращаются все «ученые», и Петрокс произносит окончательное свое суждение о всех членах ученого собрания вместе взятых, и в частности об Ергасте и Назоне.

Даже при таком кратком изложении ясно, что не в интриге и не в разработке характеров видел свою цель автор, хотя все второе действие и частично третье Эмин посвятил сатирическому изображению нравов, показу разложения семьи философа Петрокса.

В образах членов «Ученой шайки», в их репликах и монологах содержится ряд более или менее прозрачных намеков и пародийных выражений, которые заставляют предположить, что Эмин имел в виду определенных лиц и, несмотря на то, что действие «Ученой шайки» происходит в Афинах, героев ее надо искать в Петербурге.

Поэтому целесообразно будет начать с тех героев комедии, прототипы которых сравнительно просто устанавливаются в результате расшифровки намеков автора.

Как уже указывалось, в разговоре Февеуса «юриспруденции учителя» и Назона «мореплавания учителя» идет спор о познаниях последнего в науке мореплавания (д. III, явл. 1):

Февеус. ... Но и ты, мой друг, не очень чванься твоими делами, ты учишь мореплавание, а чаю, что отроду на море не бывал. Мне кажется, что на бумаге гораздо легче управлять кораблем, нежели на море, понеже на море ветры не пером, ниже кистию не начертаны.

Назон. Я на море не бывал, однако мореплавания науку совершенно знаю. Знаю, сколько у нас было адмиралов, кораблепавателей и славных мастеров, следовательно, я довольно знаю сию науку.

Февеус. Это, о чем ты упоминаешь, знают и все адмиралтейские копеесты, потому что все то у них в протоколах написано.

По-видимому, Февеус намекает на следующую книгу: «Собрание списков, содержащее имена всех служивших в российском флоте с начала онго флагманов, обер-сарваеров и корабельных мастеров и ныне служащих в оном и при Адмиралтействе как флагманов, штаб- и обер-офицеров. В Санктпетербурге. При Морском шляхетском кадетском корпусе, генваря 1 дня 1764 года». Книга эта, действительно, не содержит ничего, кроме списков. Она составлена и издана Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым, с 1762 года определенным в Морской шляхетный корпус и в 1764 году назначенным директором Корпуса.

Следовательно, можно предположить, что Назон — это Кутузов! Окончив Морской корпус в 1746 году, И. Л. Голенищев-Кутузов плавал командиром фрегата в 1753—1754 годах между Кронштадтом и Архангельском, что тогда считалось серьезным испытанием для мореходца, но позднее, по слабости здоровья, он уже в плаваниях не бывал, и это дало, очевидно, Эмину повод заставить Назона — Кутузова говорить о себе: «Я на море не бывал».

Что речь идет именно о Голенищеве-Кутузове, доказывается еще и продолжением разговора Февеуса с Назоном, в котором, по-видимому, звучит отголосок какой-то личной обиды Эмина на типографию Морского корпуса и ее начальство:

Февеус. Вчерашнего числа я видел, как к тебе был принесен роман, и сочинитель тебя просил, чтоб ты его в типографии, находящейся под твоим смотрением, напечатал; ты, автора в первый раз увидя, презрел, сказал, что ты не хочешь печатать романов потому, что они не полезны и порицания достойны. Но мне кажется, что для тебя все равно, какую бы кто книгу не печатал, понеже ты за печать всякой книги равное число денег получаешь. Такая твоя речь показала тебя человеком много о себе думающим, но при всем твоим умствованием не очень же ты славен твоими делами и, презирая романы, физических и астрономических книг не издаешь.

Назон. Ты со мной говори поучтивее. Знаешь ли ты, что я чином знатный человек?

«Знатным» по чину человеком Голенищев-Кутузов мог считаться с 1764 года, когда стал директором Морского корпуса, генерал-интендантом флота, членом Адмиралтейств-коллегии и наставником по морской части у наследника Павла Петровича.

Укажу, кстати, еще одно обстоятельство, приобретающее значение в общей связи доказательств. Назон, как известно, по-латыни означает «носач»; достаточно посмотреть на портрет Голенищева-Кутузова, приложенный к книге Ф. Ф. Веселаго «Очерк истории морского корпуса» (1852, стр. 143), чтобы понять происхождение этого значущего имени.

Если Назон — это Голенищев-Кутузов, то мы имеем возможность предположить, что «ученое собрание», изображенное Эмином, — это Морской шляхетный корпус, а «учителя», действующие в «Ученой шайке», — преподаватели этого Корпуса.

В дальнейших поисках прототипов наше внимание привлекает «грамматики учитель» Аннон. По-французски *ânon* — молодой осел, осленок. Возможно, что Эмин, давая имя своему герою, учитывал это значение слова *ânon*. Самые характерные черты Аннона в комедии — это пьянство и грубость. На сцене он появляется всегда пьяный. О нем Фарнасп говорит: «Он больше всех нас философ, только несколько его голова закружилась от грамматики» (д. II, явл. 7). Аннон «грозит тумакон» Эрнесте, в кармане у него «графинчик с водкой», который он вынимает и тут же в чужом доме (у Петрокса) пьет водку. Петрокса он бьет и т. д.

Грубиян и пьяница, учитель грамматики, как можно предположить, — это памфлетный образ Николая Гавриловича Курганова, о ссоре с которым Эмина сохранилось неясное предание, приведенное у Колбасина.¹⁶ Оговариваюсь, что если прототип Назона можно считать установленным, то в отношении Аннона пока вопрос можно только поставить.

Правдоподобно предположение о том, что в образе философа Петрокса Эмин вывел инспектора над классами Морского шляхетного корпуса (с 1764 года) Григория Андреевича Полетику (1725—1784). Какие основания для такого предположения? Петрокс во всех своих высказываниях изображен философом стоического толка, проповедующим презрение к смерти и жизненным благам, противником завоевательных войн и угнетения человека человеком.

Полетика в своих переводах пропагандирует в 1760-е годы именно стоическую философию. В 1762 году он с многозначи-

¹⁶ Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 186.

тельным посвящением Екатерине печатает Ксенофонта «О достопамятных делах и разговорах Сократовых и оправдание Сократово перед судьями». Ксенофонт, как известно, в этике Сократа оттеняет преимущественно элементы, сближающие учение Сократа со стоицизмом.

В 1759 году Полетика издает свои переводы в одной книге «Эпиктета стоического философа Енхиридион и Апофегмы и Кевита Февейского Картины или изображение жития человеческого»; этот свой перевод Полетика вновь переиздал в 1767 году без всяких изменений.

Между репликами философа Петрокса и мыслями Эпиктета в переводе Полетики есть совпадения:

«Ученая Шайка»

Смерть постоянному человеку не страшна: вы только оною целый свет устрашили, бесчисленно ей сыскывая неправедно лица (д. 1, явл. 1).

..она <смерть> есть возвращение того, что есть не наше.
(д. 1, явл. 1).

«Енхиридион»

Не вещи смущают людей, но мнения, которые они о тех имеют, например: смерть нимало не страшна... но токмо мнение наше о ней представляет нам ее столь устрашительною (гл. 10)

Никогда ни о чем не говори: я сие потерял, но я сие возвратил. Умер ли твой сын? Ты его возвратил (гл. 15).

Сходство здесь мне представляется несомненным, хотя для окончательного решения вопроса о соотношении между образом Петрокса и его предполагаемым прототипом понадобятся, быть может, дополнительные изыскания.

Зато для установления прототипа образа стихотворца Ергаста мы располагаем исчерпывающими данными. Уже само имя Ергаст, по-видимому, намекает на его буйный, бешеный нрав.¹⁷

В 1 явлении I действия Ергаст говорит о «трудолюбивой пчеле», которая «...с разных цветочков собирая мед, толь великой похвалы и удивления достойные из своего чрева издает происшествия, следует, что стихотворцы, повсюду летая своими мыслями, приятнейшие прочих издают сочинения». Здесь одновременно содержится намек на первый русский сатирический журнал Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) и на «собрание» им, Ергастом, с «разных цветочков», т. е. у других авторов идей и образов для его произведений.

¹⁷ Можно предположить, что своего неистового героя-стихотворца Эмин назвал Ергастом, имея в виду одно из производных значений латинского *ergastulum* — казарма для рабов, а также смиренный дом для непокорных и буйных

Только намеченное здесь обвинение Ергаста развивается в истории с песенкой, сочиненной «неким офицером», о которой уже говорилось выше.

Далее Петрокс упрекает стихотворцев в том, что они «начали своими песнями выхвалять тех, которые из собственного дому хозяина выгоняют, которые похищают явственно чужое добро». Речь идет, несомненно, об одах Сумарокова и поэтов его группы, восторженно приветствовавших дворцовый переворот 28 июня 1762 года.

Возмущенный этими словами Петрокса и обвинением, что он, Ергаст, «хвалит того, кто ему за песни заплатит», Ергаст раздражается репликой, по-видимому, пародирующей стиль статей и басен Сумарокова, в которых очень часто были обращения к Юпитеру.

Ергаст. О боги! За что ты, Юпитер, не извергнешь все твои молнии на такого простака!

В статье Сумарокова «Письмо»¹⁸ «Утесненная истина» просит Юпитера истребить взяточников-приказных: «По долгом ее прошении согласился наконец Юпитер ударить громом...»

В притче «Юпитер, сокол и щука», напечатанной в журнале «Праздное время, в пользу употребленное», номер от 14 октября 1760 года (в «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова эта притча напечатана под названием «Мост»), разгневавшись плутнями откупщика,

..Юпитер отвечает
Откупщику: я думаю о том,
Что мне на вас давно пора бросати гром.

В репликах и монологах Петрокса содержится ряд выпадов против Ергаста, в которых можно усмотреть намеки на некоторые черты характера и поведения Сумарокова. После того как Ергаст, взмолившийся Юпитеру, уходит со сцены, Петрокс говорит о нем:

Я думаю, что сильная болезнь френезии обладает им, и потому временами он умен и изрядные стихи пишет, а временами на него бешенство находит, так что он сам не знает, что делает; и если б здесь были такие дома, в которых сумасшедших лечат, то я б сего бедного туда отдал, чтоб ему какое-нибудь сделать вспоможение. Но я думаю, что и тот дом, в котором он живет, немного равенствует от шальных обиталища; я чаю, что он уже всех домашних с ума свел своим бешенством.

¹⁸ «Трудолюбивая пчела», 1759, ноябрь, стр. 631—633.

Тяжелый характер Сумарокова, его горячность, осложнения в семейной жизни поэта, — всё это в памфлетно-преувеличенном виде дается у Эмина и всё это ему нужно для психологической подготовки главного обвинения против Ергаста—Сумарокова — обвинения в плагиате, которое сформулировано в эпизоде с песенкой, сочиненной «некоторым офицером».

Это прямое обвинение Ергаста—Сумарокова в плагиате, в присвоении чужой песни, упорно держалось в течение всего XVIII столетия и повторялось еще в начале XIX века последними могиками Екатерининских времен.

Упорно настаивал на этом обвинении против Сумарокова Александр Палицын, переводчик «Садов» Делиля (1814) и «Времен года» Сен-Ламбера (1814), автор стихотворного переложения «Слова о полку Игореве» (1807). В письме к графу Д. И. Хвостову от 28 июня 1807 года Палицын писал: «Одна песня П. С. Свистунова полюбилась так А. П. Сумарокову, что он ее присвоил. . .».¹⁹ В своей поэме «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени» (Харьков, 1807). Палицын писал:

Разборчив и в стихах и в прозе Свистунов.
Есть песенка одна между его стихами,
Где грации писали сами.

К последней строке цитируемого отрывка Палицын сделал примечание: «Сия песенка начинается так:

Тщетно я скрываю скорби люты.

Она была напечатана сперва между песнями г. Сумарокова».

Таким образом, обвинение Эмина против Сумарокова у Палицына конкретизируется. Что же могло подать повод к возникновению подобного обвинения? Для этого надо уяснить характер отношений между Сумароковым и Свистуновым и проследить историю злополучной песни.

Начнем со второго.

В 1759 году вышел песенник «Между делом безделье, или собрание разных песен», положенное на музыку Г. Тепловым. Все песни этого сборника были анонимны. Как оказалось впоследствии, составитель включил туда несколько песен Сумарокова. В ноябрьской книжке «Трудолюбивой пчелы» появилась заметка «Песни», подписанная А. С. . ., т. е. Александр Сумароков. «Следующие песни нашел я между протчими напечатан-

¹⁹ «Библиографические записки», 1859, № 8, стр. 250.

ными песнями с приложенными нотами, под чудным титлом, которые отчасти были испорчены; чего ради должен я их, поправив, как они от меня сочинены, выдать в сих изданиях, чтобы чужие погрешности не были почтены моими, притом желая, чтоб сия дерзость издавати чужие сочинения, без воли авторов, не умножилась, а еще меньше то портити, что другие тщательно сочиняли и меньше еще налагати чужим трудом непристойные титла, чего нигде не водится и что нигде не позволяется».

Вслед за этой заметкой Сумароков перепечатал шесть песен, в том числе, под № 6, «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...»

Без изменений текста песни эта перепечатана Новиковым.²⁰ Новиков, который располагал архивом Сумарокова, не сомневался в принадлежности этой песни Сумарокову! Таким образом, категорическому утверждению Сумарокова о принадлежности ему песни «Тщетно я скрываю сердца скорби люты», утверждению, поддерживаемому Новиковым, противостоят указания Палицына.

«Послание к Привете» Палицына свидетельствует, что он хорошо знал литературу XVIII века. Он учился в Сухопутном шляхетном корпусе; литературные предания 1750-х годов могли сохраниться у него в памяти.

О Свистунове как поэте и авторе песен с похвалой отзываются и лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» (1768) и Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772). В «Известии» говорится: «Петр Свистунов, подполковник Шляхетного корпуса. Он написал несколько прекрасных песен и других мелких стихотворений, которые обличают, что произведения его были бы украшением литературы, если б его служебные обязанности не были ему сильной помехою».²¹

Новиков в своем отзыве о Свистунове гораздо сдержаннее: «Генерал-майор, человек разумный, ученый и искусный: в молодых своих летах много написал элегий, песен и других мелких стихотворений, много похваляемых, но они не напечатаны».²²

Как и большинство песен того времени, песни Свистунова включались в песенники анонимно, и поэтому установить его

²⁰ А. П. Сумароков, Полн. собр. всех соч., т. VIII, М., 1781, стр. 218—219, № XXXIII

²¹ П. А. Ефремов Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 136.

²² Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М.—Л., 1951, стр. 350

авторство очень трудно. П. Н. Берков напечатал одну песню Свистунова в своей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» (А., 1936).

Приводим начало этой песни:

Полно, свет мой, не гордись
 Красотою ты своей.
 Коль пленила, веселись
 Я во власти уж твоей.
 Милы взгляды мя прельстили,
 Взор и дух во мне вспалили.
 Не скажу того, драгая,
 Чтоб ты краше всех была,
 Только многих уязвила
 И мне язву то ж дала.

и т. д.

Возможно, что она искажена перепиской, однако даже с такой поправкой ни в какое сравнение она не идет не только с песней «Тщетно я скрываю сердца скорби люты», представляющей собой один из шедевров литературного песенного творчества середины века, но и с любой песней Сумарокова.

Конфликт между Тепловым и Сумароковым из-за песен, напечатанных первым без авторского согласия, в кругу литераторов Сухопутного корпуса мог быть воспринят неблагоприятно для Сумарокова. Может быть, даже высказывались сомнения в принадлежности этих песен Сумарокову, во всяком случае, до Эмина, с 1761 года ставшего учителем итальянского языка в Корпусе, могли дойти какие-либо неопределенные, но, во всяком случае, невыгодные для Сумарокова слухи, на основании которых в своей комедии-памфлете Эмин уже прямо обвинил Сумарокова в литературной краже. Менее открыто, в завуалированном виде, это обвинение повторено Эминым в 13-м письме «Адской почты» (1769), где снова выводится Ергаст-стихотворец, по всем признакам Сумароков, о котором между прочими обвинениями говорится, что «лучшее его достоинство состоит в том, что умеет хорошо обирать других писателей».

Уже в более отдаленную эпоху смутные отголоски этих слухов и намеков превратились в связный рассказ известного выдумщика Макарова. Он обвиняет Сумарокова в присвоении песен, написанных будто бы его дочерью Екатериной Александровной, в замужестве Княжнинной. Макаров говорит: «...некоторые из написанных Екатериной Александровной и где-то напечатанных песен Сумароков, рассердясь, переименовал и тотчас напечатал вновь от своего имени в „Трудолюбивой пчеле“, сделав при том выноску, что сии песни найдены им, между

прочими напечатанными его песнями, с приложенными к ним нотами, под чудным титулом и проч.»²³ В действительности же в «Трудолюбивой пчеле» напечатана «Элегия», подписанная «Катерина Сумарокова».

Что же касается шести песен, перепечатанных Сумароковым из тепловского песенника 1759 года, то именно самый факт перепечатки песен мог возбудить неприятные для Сумарокова толки. Сочинение песен в 1750-е годы было широко распространено среди дворянской литературной и окололитературной молодежи. Однако песня считалась жанром домашним, бытовым; ее не печатали, с ней не считались всерьез. Первый русский сборник песен одного поэта издал Михаил Попов в 1765 году. Но ведь Попов стал очень рано из актера писателем-профессионалом, традиции дворянского литературного дилетантизма ему были чужды; для него литература была ремеслом, источником средств существования. А в исходе 1750-х годов «песенки» ходили только в рукописном виде. Их писали не для печати, а для исполнения — и только. Поэтому возмущение Сумарокова перепечаткой его песен могло вызвать к себе ироническое отношение в эпоху, когда песня была сплошь анонимной. Из этого неприязненного, может быть, на первых порах только иронического отношения к шуму, поднятому Сумароковым вокруг шести песен, в конце концов, мог возникнуть слух о присвоении чужих песен, разработкой которого занялся Эмин в «Ученой шайке», когда его отношения с Сумароковым по какой-то нам еще неясной причине обострились.

После того как мы установили, что Ергаст — это Сумароков, необходимо определить время написания комедии Эмина, ее место в развитии взаимоотношений поэта и романиста, и тем самым и ее роль в литературной борьбе эпохи.

Как известно, Сумароков вывел Эмина под именем Герострата в комедии «Ядовитый», написанной не позже лета 1768 года, так как 23 октября этого года датируется «Донесение» Сумарокова в Академию наук с просьбой напечатать эту комедию (закончена печатанием 5 ноября 1768 года).

В явлении XI комедии Сумарокова издевательски упоминаются романы Эмина, его «Российская история» и, наконец, его собственная биография, которую он любил расцвечивать романическими происшествиями:

К л и т а н д р. Ваше колкое перо всему просвещенному свету столь гадко, сколь правилам, разуму и слуху противен склад ваш.

Герострат. Кто знает языков целую дюжину, так кажется, тому писать можно.

²³ «Дамский журнал», 1830, № 29, стр. 33—34.

Клитандр. Двух или трех языков вы слов несколько знаете, это и я засвидетельствую.

Герострат. Изрядно. И кто разные степени человеческого знания познал опытом, быв и прикованным на галере гребцом и монархом на престоле.

Клитандр. Одно истина.

Герострат. Изрядно. И кто знает опытом разные богослужения, теплые принося молитвы и во Ерусалиме и в Медине.

Клитандр. Это правда.

Герострат. Кто знает историю Сима, Хама и Яфета так подробно, как будто бы с ними во весь их век жил купно.

Клитандр. Это вам одним известно.

Герострат. Кто был лейбмедиком у великого Могола, обершталмейстером у Богдыхана и оберкригскомиссаром у Кутухты.

В явлении VII Герострат похваляется «ядовитостию» и широким расхождением своих пасквилей.

Дромон А ну как когда-нибудь и узнают автора и сыщут таскающиеся его сочинения?

Герострат. Я скажу, что то и то прибавлено; так и отверчуся: а пасквиля-то силу свою возьмет; потому что у нас еще не вовсе известно, что пасквили у себя дома иметь бесчестно: и ради того слышал я, что такие мои сочинения у многих как полезные рукописи в библиотеках сохраняются, ради бессмертного пугаемых мною бесчестия: и не только сторонние, да и приятели чтением ругательства о своих приятелях услаждаются; хотя в моих пасквилях ни соли, ни вкуса нет; да полно не те сатиры больше в моде, в которых вкус и соль; да те, в которых много яду. А мои пасквили так приятны ядовитостию своею, что с великим услаждением родные братья против родных сестер, а родные сестры против родных братьев читают их.

А в XI явлении Герострат—Эмин прямо заявляет о себе:

...Я автор сатир, комедий и пародий. Комедии мои на кабаках читаются; трагические сцены, представляемые при дворе, я во сквернословие и в ругательство автора превращаю,²⁴ а сатиры мои прибываются на заборах.

Под «сатирами» Сумароков имеет в виду, может быть, прозаический «Сон, виденный в 1765 году генваря 1-го», опубликованный Л. Н. Майковым, в котором Эмин сатирически изобразил тогдашнее положение дел в Академии наук, Академии художеств и Сухопутном кадетском корпусе. «Пародия» — очевидно, «Элегия», в которой Эмин пародирует форму монологов героинь в трагедиях Сумарокова и в пасквильных тонах изображает его семейную жизнь. Заканчивается эта «Элегия» следующими стихами, адресованными от лица Сумарокова его возлюбленной — крепостной девушке:

Со всеми хоть тогда лакеями таскалась,
Но страстная душа надеждою ласкалась,
Что буду я тебе сих подлых всех милей.
Коль подлых любишь ты, то я их всех подлей!

²⁴ Здесь, по-видимому, имеются в виду пародии И. С. Баркова.

Весь стиль этой «Элегии» пародиен при довольно точном воспроизведении характерных черт сумароковских трагедийных монологов, особенно в последней строке.

Последнее обвинение, ранее непонятное, против Герострата в том, что автор «комедий», теперь разъясняется — Сумароков имеет в виду «Ученую шайку» Эмина!

Таким образом, установив, что «Ядовитый» Сумарокова был ответом на «Ученую шайку» Эмина, мы получаем возможность определить время написания комедии-памфлета Эмина. «Ученая шайка» не могла быть написана позже начала 1768 года, так как в печати она не была, распространялась в рукописи, и на то, чтобы какая-то из копий стала известна Сумарокову, нужно было некоторое время. Для верности, как мне кажется, следует даже говорить о 1767 году как крайнем сроке.

Упоминание книги Кутузова-Голенищева «Собрание списков», вышедшей в 1764 году, говорит о том, что «Ученая шайка» не могла быть написана ранее середины 1764 года. Таким образом, крайними датами оказываются 1764—1767 годы. Однако в тексте комедии имеются указания, которые позволяют уточнить ее датировку. В последнем явлении III действия Петрокс говорит Ергасту (Сумарокову): «Я нарочно с тобой завел ссору, чтоб тебя побудить к трудам: ибо давно уже ты ничего не делаешь...».

Подобное обвинение можно было предъявить Сумарокову только до середины 1768 года. В этом году он напечатал три комедии («Лихоимец», «Три брата — совместника», «Ядовитый»), три трагедии («Вышеслав», «Ярополк и Дамиза», «Семира»), брошюру «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве 1682 года в месяце мае».

С 1762 года, когда вышли его «Притчи», Сумароков печатал очень мало, в 1766 году он напечатал три оды, послание Троепольский и «Дифирамв Пегасу», в 1767 году была напечатана одна ода Сумарокова. Трагедий после своей отставки от театра в 1761 году до 1768 года он не писал. Следовательно, обвинение в том, что он давно ничего не делает, имело особенный смысл именно в 1767 году.

Имеется в тексте «Ученой шайки» еще одно указание, которое позволяет окончательно уточнить ее датировку. Ергаст (Сумароков) говорит:

Я удивляюсь своей постоянности, как я мог сдержатъ такой судьбы удары; слышу, что другого пииту хвалит народ, сказывая, что он весьма приятно и громко стихи пишет и якобы знает разные науки. О глупый народ! В каком ты погружен невежестве, можно ли тому стать, чтоб какое-нибудь сочинение было хорошо, если я его не похваляю?

«Пиита» — конечно, Василий Петров, известность которого началась в 1766 году «Одой на карусель».

Пользуюсь случаем, чтобы указать здесь на первое издание этой оды. До сих пор исследователи, писавшие о Петрове и полемике вокруг него (Берков, Гуковский), располагали только «Сочинениями Василия Петрова» 1782 года, где текст оды, как справедливо указывалось, был Петровым изменен под влиянием полемических выпадов сатирической журналистики 1769 года. Недавно первое печатное издание оды Петрова обнаружено в Библиотеке СССР им. Ленина. Оно имеет следующий титульный лист: «Ода на великолепный каррусель, представленный в Санктпетербурге 1766 года, в четвертое лето мирного владения всепресветлейшия, великия государыни Екатерины вторыя, императрицы и самодержицы всероссийская, сочиненная Московскою славяно-греко-латинскою академией реторикой учителем Васильем Петровым. Печатано при императорском Московском университете 1766 году».

«Карусель» происходил в Петербурге 22 сентября 1766 года; вслед за появлением подробного описания в газетах, была написана и напечатана ода Петрова, а 19 декабря 1766 года Сумароков получил тираж напечатанного «Дифирамва Пегасу».

«Дифирамв Пегасу», как известно, является злой, воинствующей пародией на оду Петрова. Сумароков не принял и не мог принять нового поэта, для него в равной степени были неприемлемы и общественные позиции Петрова — его почти раболепное преклонение перед Екатериной II и Орловым, и его художественные позиции, воскрешавшие в традициях Ломоносова то, против чего Сумароков боролся на протяжении двух десятилетий. Появление «Дифирамва Пегасу» — такого быстрого, как бы мы сказали оперативного, отклика на новую оду нового поэта не могло не привлечь внимания литературных кругов.

«Дифирамв Пегасу», следовательно, мог быть известен в литературных кругах в конце 1766—начале 1767 года; таким образом, этот намек в «Ученой шайке» приводит нас к 1767 году, который следует признать наиболее вероятной датой написания «Ученой шайки».

«Ученая шайка» Эмина проясняет существенный момент в его взаимоотношениях с Сумароковым. Из дневника Семена Порошина мы знаем, что раздоры между ними начались давно. Однако «Ученая шайка», с одной стороны, и «Ядовитый» — с другой, свидетельствует о взаимном ожесточении сторон. Писатели-разночинцы начинают чувствовать более твердую почву под ногами. Их выступления против дворянской литературы становятся все более смелыми. «Ученая шайка» Эмина

является одним из первых откровенных выступлений недворянской литературы против дворянского либерализма. Ведь основное политическое обвинение против Эргаста—Сумарокова, которое выдвигается Эминым,—это сервильизм и продажность. Сумароков обращается в одах к Екатерине—Эмин видит в этом прислужничество правительству, Сумароков превозносит свои заслуги перед литературой своего времени—Эмин видит в этом только тщеславие и неуважение к «обществу». Словом, «Ученая шайка» является свидетельством нарастания недворянских сил в литературе 1760-х годов, сил, заговоривших полным голосом в сатирических журналах 1769 года.

Помимо памфлетных характеристик недругов Эмина из Морского корпуса, помимо карикатуры на Сумарокова, «Ученая шайка» содержит в себе и нравоописательный материал. Эрнеста, жена Петрокса, учит свою дочь Белизу жить по моде, т. е. обманывать мужа. Выслушав ее, Белиза говорит:

И подлинно я была глупа и не знала, в чем состоит роскошь. Муж мой будет всегда мужем, хотя я и с другими буду знаться. Разве друзей иметь грешно? Другу же все приятности оказывать надобно и в возможных делах отказывать не должно. Куда великое счастье иметь разумную мать! Я бы бедная состарилась, не зная, что есть лучшего в свете, если бы не моя матушка.

Петиметр Негрин, вычурно объясняющийся в любви Белизе, старый богач Юлиан, поклонник Эрнесты,—все эти персонажи комедии Эмина совершенно явственно предвосхищают его журнальную сатиру.

Таким образом, помимо своего литературно-полемического интереса, «Ученая шайка» важна как одна из звеньев творческого пути Эмина. Начав с романов авантюрных и политико-нравоучительных («Похождение Мирамонда», «Приключения Фемистокла»), Эмин перешел к роману современному («Письма Эрнеста и Доравры»), хотя и на иностранном материале.

В «Ученой шайке» Эмин берется за сатирическое изображение современной русской жизни. Тяготевший к сатире с самого начала своей литературной работы, Эмин только в «Адской почте» с блеском проявил свое сатирическое дарование, первой пробой которого была «Ученая шайка».